

К. П. Масальский

Черный ящик

Историческая повесть

Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. Ю. Троицкий. -- М.: Современник, 1986.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В 1723-м году, на Санкт-Петербургском острове (нынешней Петербургской стороне, которая в то время была главная часть города), на Троицкой площади, стоял в ряду других строений дом купца Ильи Фомича Воробьева, не каменный и не деревянный, а такой, какого не сыщешь ныне во всем Петербурге. Он был, как называли тогда, *мазанка*, и не простая мазанка, а *образцовая*, потому что строился по примерному чертежу, утвержденному Петром Великим. На лицевой стороне дома, посередине, находилась дверь с крыльцом в три ступени и по три окна с правой и с левой стороны двери. Вот все, что можно сказать о наружности здания. Внутренность его описывать не станем и потому, что ее можно увидеть и ныне, войдя в любой дом мещанина, держащегося старины, и потому, что не многие смотрят на внутреннюю красоту: была бы хороша только наружность.

Илья Фомич, возвратясь летним вечером из гостиного двора и надев халат, отдыхал после дневных хлопот в креслах, стоявших у окошка. Кстати заметить, что гостиный двор находился тогда посередине Троицкой площади и состоял из мазанкового четвероугольного в два яруса здания. В нижнем ярусе устроены были лавки, а в верхнем амбары. На дворе, посередине сего четвероугольника, стояла деревянная (изба, где помещалась ратуша. С Большой Невы и с Малой, с двух сторон предположено было прорыть к гостинному двору каналы для привоза товаров на судах, но сие предположение не успели исполнить.

Против Ильи Фомича сидела в других креслах молодая девушка и вязала чулок. Не станем описывать ее красоты. Скажем только, что эта девушка была прелестна, и предоставим читателю рисовать в воображении образ ее по своему идеалу. Предвидим, что столько же будет создано различных, несходных между собою, мысленных портретов этой девушки, сколько эта повесть будет иметь читателей; и если какими-нибудь судьбами переведут ее на китайский язык, то прелестная Мария в воображении какого-нибудь мандарина-читателя превратится в дородную девушку небольшого роста, с утиною походкою, прищуренными глазами, пухлыми щеками и широким, приплюснутым носом. Разумеется, что Мария была вовсе не похожа на этот юн тайский идеал красоты.

Весьма близкое подобие сего идеала нельзя сказать вошло, нельзя сказать и вошла, а вошел неожиданно в комнату Ильи Фомича, ибо сие подобие был калужский купеческий сын Карп Силыч Шубин, на двадцать пятом году своей жизни приехавший в первый раз в столицу. Отец его, за несколько недель пред тем умерший, принадлежал к числу приятелей Ильи Фомича, хотя они в мнениях и правилах жизни совершенно различествовали один от другого. Илья Фомич брил бороду, носил немецкое платье и выучился грамоте, а отец Шубина до самой кончины не переменял покроя кафтана и хранил бороду как зеницу ока, потому что был раскольник. Он воспитал в своих правилах и сына, который до смерти отца постоянно жил в каком-то ските и с роду не видал ни одного человека, одетого по-немецки и с бритой бородой.

Илья Фомич весьма удивился, увидев перед собою вечером такого красивого молодца, каков был Карп Силыч. Он видал его в Калуге еще ребенком, но с тех пор китайский идеал красоты вырос и достиг такого совершенства, что Воробьев вовсе его не узнал, тем более что Карп Силыч, по примеру отца держась раскола, носил платье, предписанное указом для раскольников. На нем надет был длиннополый суконный кафтан, весьма низко подпоясанный, с четвероугольником из красного сукна, нашитым на спине. В руках держал он с желтым козырьком картуз, который, было предписано носить задом наперед,

-- Ты, верно, меня не узнал, Илья Фомич? -- сказал Шубин после нескольких поклонов перед иконами.-- Я при вез тебе грамотку от моего дяди.

Он подал Воробьеву письмо, и, между тем как тот разбирал оное, глаза Шубина, произведя общий обзор всем предметам, находившимся в комнате, остановились на Марии, и так пристально, что девушка